

Р.У. КАРИМОВА

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК,

главный научный сотрудник, доктор исторических наук

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА У УЙГУРОВ

Аннотация

Вопрос о преемственности культуры уйгуров напрямую связан с проблемой взаимосвязи уйгуров периода древности и средневековья с современными уйгурами СУАР КНР. В статье дана характеристика особенностей городской архитектуры, созданной в период Уйгурских каганатов и на территории Восточного Туркестана после переселения туда уйгурских племен, а также выявление сходства в сложившихся традициях, позволяющего говорить об их преемственности.

Кілт сөздер: ежелгі дәуір, орта ғасырлар, Ұйғыр қағанаты, Шығыс Түркістан, қалатұрғызу дәстүрі, сабақтастық.

Ключевые слова: древность, средневековье, Уйгурский каганат, Восточный Туркестан, традиции градостроительства, преемственность.

Keywords: antiquity, the Middle Ages, Uyghur Khaganate, East Turkestan, urban planning traditions, continuity.

Вопрос о преемственности культуры уйгуров напрямую связан с проблемой взаимосвязи уйгуров периода древности и средневековья с современными уйгурами СУАР КНР. Культурные традиции, отличаясь ярким своеобразием, устойчивостью и последовательностью в развитии, дают возможность исследователям проводить аналогии и параллели в сравнительном анализе культуры разных эпох и могут стать весомым аргументом в решении упомянутой проблемы. В представленной статье я пытаюсь рассмотреть взаимосвязь традиций градостроительства в Уйгурском каганате (745-840 гг.) на территории Северной Монголии и Тувы и в Восточном Туркестане.

В 1889 г. Н.М. Ядринцев обнаружил на берегу реки Орхон развалины большого города. Эта находка стала научной сенсацией. Экспедиция Русской академии наук, возглавленная В.В. Радловым, установила, что эти развалины являются остатками столицы Уйгурского каганата – Карабалгасуна (Ордубалык) (Клеменц, 1895, с. 58). Развалины города в длину достигали более 8 километров. Очертания городской площади, обведенной глинобитной стеной имели форму почти правильного прямоугольника. Город имел квартальную планировку. Главная улица, пересекавшая площадь с северо-востока на юго-запад, тянулась более чем на два км. Улица очень широкая, в ширину она достигала 70 метров. Параллельно главной располагались другие улицы. Перпендикулярно к ним было много проходов, бывших, по-видимому, переулками, тупиками и боковыми ответвлениями.

Такая планировка служила хорошей вентиляции города (Клеменц, 1895, с. 53-58; Тихонов, 1966, с. 50-51).

Археологические экспедиции под руководством известного российского археолога Л.Р. Кызласова вскрыли и исследовали на территории современной Тувы остатки 17 крепостей и 2 бастионов (Кызласов, 1984, с. 51). Все уйгурские крепости были расположены стратегически продуманно, по одной дугообразной линии, прикрывая с севера центральные, наиболее плодородные районы Уйгурского каганата от вторжений беспокойных соседей – енисейских кыргызов (древних хакасов). Крепости в плане имели четырехугольную или подквадратную формы, были окружены высокими, мощными стенами. По этой же линии между крепостями в местах, не имеющих естественных горных преград, тоже проходила длинная глинобитная стена со рвом, наполненным водой. Так, была образована единая пограничная оборонительная система. Городские стены в среднем достигали в ширину 15 м и в высоту до 2 – 2,8 м от уровня плоской внутренней поверхности городищ и 5,5 м от уровня глубоких рвов. Стены многих городов укреплялись башнями: во II Шагонарском городище башни были по углам и одна – привратная, в III Шагонарском городище сохранилось 10 башен в городской стене. Городские стены были глинобитными или из сырцового кирпича. Размер кирпича 42х20х10 см или 43х23х10 см. Квадратная в плане цитадель с мощными стенами, сложенными из сырцового кирпича, имелась в III Шагонарском городище. (Кызласов, 1979, с. 145-146).

Города Карабалгасун (Ордубалык) и Касар-Кордан – столичные центры Уйгурского каганата – располагались вблизи других городов и имели дополнительную длинную стену со рвом и цитадель. Карабалгасун был огромным городом, расположенным на пространстве до 25 км², а его цитадель с прилегающими к ней садами занимала в длину почти 1 км. Крепость была окружена фортами в виде мощных башен (Киселев, 1947, с. 194).

В последнее десятилетие внимание исследователей истории и культуры уйгуров было вновь привлечено к изучению уйгурской крепости Пор-Бажын, расположенной на озере Тере-холь, на юго-восточной окраине Тувы. Городище Пор-Бажын известно русским географам еще с конца XVII в., первое упоминание о нем имеется в «Чертежной книге Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году» (Ремезов, 1882). В 1891 г., крепость была обследована русским этнологом и археологом Д.А. Клеменцом, который снял его план и впервые обратил внимание на его сходство с руинами города Карабалгасуна на р. Орхон в Монголии. Вывод о принадлежности крепости уйгурам был сделан на основе совпадения топографии развалин Пор-Бажины с крепостью Хара-Балгас (Карабалгасун) на реке Орхон, который уже был идентифицирован со столицей орхонских уйгуров – городом Ордубалыком. Впервые описание Пор-Бажины было сделано в 1952 г. советским археологом С.И. Вайнштейном, обосновавшим вслед за Д.А. Клеменцом ее принадлежность уйгурам. Раскопки крепости были начаты С.И. Вайнштейном в 1957 г. и продолжены Тувинской экспедицией Института этнологии АН СССР. Датировка и атрибуция крепости были основаны на типологической схожести сохранившихся концевых орнаментированных дисков черепицы. Более того С.И. Вайнштейн пришел к выводу о том, что крепость Пор-Бажын с дворцовым комплексом были сооружены по приказу уйгурского кагана Баян-чора (Элетмиш Бильге-кагана) во время похода на тюркское племя чиков, населявшее территорию нынешней Тувы (Вайнштейн (а), 1966; Вайнштейн (б), 1966). Этот поход, состоявшийся в 750 г., описан в уйгурской рунической надписи в честь Баян-чора. О предназначении крепости сложено много легенд, однако многие ученые склоняются к версии о ее строительстве в качестве летней (западной) резиденции уйгурского кагана. Надпись Баян-чора, на основе которой определялась дата сооружения крепости, свидетельствует: «Затем, в год Тигра (750 г.) я пошел в поход против чиков. Во втором месяце, в 14-й день, возле (реки) Кем я их разбил. В том же году я приказал учредить ставку Касар Кордан в верховьях (реки) [вырезать мои знаки и мои письма]» (Кляшторный, 2010, с. 63). С.Г. Кляшторный, которому принадлежит уточнение этих строк, полагает, что упоминаемый здесь Касар Кордан (в Тесинской надписи – Касар Коруг) был западным лагерем и ставкой Элетмиш Бильге кагана. Он идентифицировал Касар Кордан/Касар Коруг с крепостью Пор-Бажын. По одной из версий, предложенной сэром Дж. Клосоном и сэром Г. Бэйли, Кордан идентифицируется с Хотаном. С.Г. Кляшторный отметил, что «Кордан, тюркское наименование Хотана, оказалось перенесенным на ставку уйгурского кагана в Туве, что свидетельствует о давних связях уйгуров с Восточным Туркестаном» (Кляшторный, 2010, с. 63).

В уйгурских городах имелось множество дворцов, больших каркасных зданий и зданий со столбовой конструкцией, крытых тяжелыми желобчатыми черепичными крышами. Дворцы, судя по находкам археологов (Клеменц, 1895, с. 53-58; Тихонов, 1966, с. 51), клались из кирпичей, украшались алебастровыми карнизами. Расположение и особенности городищ свидетельствовали об их оборонительном предназначении, хотя со временем они становились административными, экономическими и культурными центрами. Уйгурский каганат был связан «уйгурским путем» с торговыми магистралями Великого Шелкового пути и проводил активный торговый обмен, в частности, с танским Китаем. Поэтому в значительных городах каганата имелись базары и кварталы ремесленников и торговцев. В Карабалгасуне, например, располагались многочисленные рынки и торгово-ремесленные пригороды (Minorsky, p. 275-305).

Л.Р. Кызласов отмечает самобытность уйгурской цивилизации периода Уйгурских каганатов. Он пишет, что «...именно уйгуры начали серьезно насаждать в центральноазиатских степях оседлую цивилизацию со строительством обширных многоквартильных городов и крепостей...». Однако «городская жизнь и городская культура не привились местному населению» (Кызласов, 1969, с. 86). Строительство оседлых поселений на территории Северной Монголии прекратилось после гибели Уйгурского каганата.

Письменные сведения о городах Восточного Туркестана эпохи древности и раннего средневековья, случайны, крайне кратки и фрагментарны. Мы имеем информацию в основном о городах тех государств, которые вовлекались в орбиту зафиксированных политических событий, через которые пролегали торговые маршруты и маршруты известных путешественников. Китайские путешественники выделяли среди восточнотуркестанских городов большие и малые. В Переднем Чехи (владение Гао-чан) в суйский период зафиксировано 18 городов, в танский – уже 21 город. В Хотане по Суйши было 5 больших и несколько десятков малых городов, в Карашаре – 9 городов, в Кашгаре – 12 больших и несколько десятков малых городов. Столичные города больших владений – Гаши, Янь, Юни, Уми, Юанькуй, Чжоча-хота, Гао-чан и др. выделялись размерами, они являлись политическими, административными, торговыми и культурными центрами. Такие города были хорошо укреплены. Интересные сведения о владениях и городах Восточного Туркестана в VII в. содержатся в «Жизнеописании» Сюаньцзана. Так, например, о столице княжества Яньци (Карашар) сообщается, что в окружности она имела 6–7 ли (2,4–2,8 км), т. е. это был достаточно большой город. Еще больше по размерам была столица Кучи, в окружности она достигала 17–18 ли (6,8–7,6 км) (Лубо-Лесниченко, 1988, с. 304).

Описания развалин средневековых городов Восточного Туркестана имеются у путешественников, посетивших регион в XIX–XX вв. Более детальную их характеристику составили участники археологических экспедиций. Их данными в основном мы и воспользовались при написании статьи.

Что представляет собой средневековый восточнотуркестанский город в архитектурном плане? Прежде всего он был укрепленным убежищем, за стенами которого его жители могли обрести защиту от агрессии непрошенных гостей: иноземных или же местных любителей богатой наживы. В связи с этой функцией город начинается с мощной стены, обнесенной вокруг городской площади. Стены города были высокими и толстыми. Строить их было делом нелегким и долгим. Чтобы облегчить эту задачу, те, кто закладывал город, старались выбрать для него удобное место, с учетом особенностей географического рельефа в виде протекающей рядом глубокой реки, скалы, холмов, оврагов. Удачно расположенное место избавляло от излишнего тяжелого труда и делало город неприступным для врагов. Один из ключевых городов Турфанского княжества – Яр-Хото (Яргул), например, располагался на узкой возвышенности и представлял собой естественную крепость, окруженную оврагами шириной 40 м и глубиной от 40 до 100 м. В город можно было проникнуть только с юга и частично с востока. В этих-то местах и была построена мощная оборонительная стена (Stein, 1928, т. 2, с. 716; т. 2, с. 713-718; т. 3, план 35; Stein, 1921, т. 3, с. 1167-1168, 1175-1176, план 49, рис. 278; Хуан Вэньби 1958, т. 1, табл.; Maillard, 1973, с. 59-63, рис. 21 (план); Maillard, 1983, с. 21-22, рис. 8 (план), табл. II-IV).

Если же город возводился на равнине, то в виде препятствия для подхода к нему перед городскими стенами рылись глубокие рвы. Такие рвы обнаружены возле многих городов и, в частности, вокруг оборонительной стены Бешбалыка (Литвинский, 2000, с. 177).

Со временем город разрастался. Первоначально огороженная городская площадь уже не могла вместить всех построек, и они начинали заполнять пространство за стенами города. Для их защиты строилась новая стена и т. д. Идикутшари, Бешбалык, обведены двойной стеной, город Уч-Кат, который исследователи отождествляют со столицей владения Кучи, имел три неконцентрических кольца стен (Stein, 1928, т. 2, с. 812). Чтобы включить в обвод важное строение, делался дополнительный виток стены, так что стены иногда имели множество уступов и представляли собой вид ломаной линии. Такими были северная и восточная стены Идикут-шари. Такие неровные стены окружали города с долгой историей, существовавшие не одно столетие.

Городские стены достигали в толщину 15-20 м (Stein, 1928, т. 2, с. 7-11, рис. 2-7). Особенно широкими они были внизу, так как внутри них, по-видимому, имелись помещения. Стены усиливались башнями прямоугольной или округлой формы и рассекались рядами квадратных бойниц и бастионов (Первая Русская..., 2000, с. 146; Bergman, 1939, табл. 67/2). Для усиления обороноспособности иногда строили спаренные стены или стены с внутренним коридором. Стены Бешбалыка с этой же целью снабжены посередине Z-образными уступами. Такие очертания оборонительной стены применялись в раннее средневековье и в Средней Азии (Давидович, Литвинский, 1955, с. 86). Городские стены возводились из сырцового кирпича (46x23x14 см), пахсы, положенной слоями толщиной 8-12 см, в технике комбинированной кладки: пахса, два-три слоя сырцового кирпича и т.д. (Grünwedel, 1905, с. 7-11, рис. 2-7; Янь Вэньжу, 1962, с. 28, рис. 1 (план)). По мнению Хуан Вэньби, часть городских стен – земляная, другая – глинобитная, некоторые стены из глины с песком (Хуан Вэньби, 1958, с.145). А. Стейн считает, что стены в основном возведены в технике пахсовой кладки, сочетающей тонкие слои или блоки, тогда как сырцовый кирпич был использован при более поздних ремонтах (Stein, 1928, т. 2, с. 589-590; т. 3, план 24; 23, с. 28, рис. 1 (план)). По С.М. Дудину стены сбивались из пластов глины, скрепленных поперечно проложенными деревянными балками, и местами – утолщенной кладкой из сырцовых кирпичей (Дудин, 1916, с. 60-61).

Верхняя часть стен, часто зубчатая по величине, была достаточно широкой, такой, что по ней могли свободно ходить и расходиться два человека (Дудин, 1916, с. 60-61). В верхней части стен устраивались помещения, используемые в качестве караульных и, возможно, складов для оружия. В стенах иногда устраивались маленькие ниши, которые служили, по-видимому, для установки в них факелов или фонарей (Дудин, 1916, с. 80-81).

Как правило, городская стена имела четверо ворот, расположенных с каждой стороны света. Ворота играли важную роль, они соединяли город с внешним миром. Они были самым уязвимым местом городской стены, поэтому их крепости и охране придавалось особое значение. Ворота были высокими (высота превышала ширину), двустворчатыми (створки открывались наружу), делались из прочных пород дерева. Для надежности их снабжали сооружением типа простого или сложного лабиринта. Для подачи сигнала использовали дверные молотки. Иногда над воротами надстраивалась смотровая башенка. Ворота часто окрашивались в цвет бычьей крови, украшались рядами декоративных гвоздей (Янь Вэньжу, 1962, с. 28; Maillard, 1983; Gabain, 1973, с. 80-83), и, возможно, для крепости, а также с декоративной целью обивались металлом.

Другой важной частью оборонительной системы была цитадель. Имеются сведения о том, что цитадель возводилась на городской площади. В качестве примера можно привести цитадель Идикут-шари, расположенную в северной части внутренней площади города (Литвинский, 2000, с. 145). Однако сколько-нибудь подробных описаний цитаделей нами встречено не было.

К строениям общественного значения можно отнести правительственные, административные здания, храмы, учебные и казарменные постройки, базары, караван-сарай и пр. Среди перечисленных сооружений в столичных городах первостепенное значение принадлежит дворцам правителей. Это были, наряду с храмами, самые роскошные здания города и располагали их чаще всего в центре. В Идикут-шари, например, «Орда шāhār» или «Хан-Тура» – «дворец хана» (названия, данные местными жителями) занимает значительную площадь размером 300x150 м, окруженную стеной с воротами. Предположительно, это была резиденция уйгурских правителей. Она представляет собой комплекс зданий, в котором выделяется несколько групп помещений. На террасе располагается группа сводчатых залов, к которым ведет лестница. Здания оформлены прекрасной живописью уйгурского времени (Grünwedel, 1912, с. 333-335, рис. 664-666; Maillard, 1983, с. 24-26).

Одной из особенностей архитектуры средневекового восточнотуркестанского города является огромное количество в нем культовых сооружений. Обилие культовых строений в Идикут-шари, например, сделало возможным отнести его к монастырско-храмовым городам, несмотря на то, что город являлся столицей большого владения. В пределах городов находились мощные монастыри, храмы, множество святилищ, ступ. В реляции Ван Янь-дэ сообщается, что в городе было до пятидесяти буддийских обителей и действующий манихейский храм Ма-ни-сы – Храм жемчужины (Григорьев, 1873, с. 268-269).

Крупные города находились на межконтинентальных торговых трассах. В городах, стоящих на трассах Великого Шелкового пути функционировали большие базары, на которых можно было приобрести местные и иноземные товары. Через Кашгар, например, проходил маршрут на Давань, Кангюй, Большие Юэчжи (Северный путь). Здесь размещалось несколько базаров (Бичурин, 1950, с. 195). Через Шаньшань и Яркенд шел путь (Южный) в северную Месопотамию, Сирию, а также в Кашмир и Гандхару (Лубо-Лесниченко, 1988, с. 364). При базарах строились караван-сарай, где останавливались купцы из других городов и стран. Базары, как правило, находились в центре города, но иногда как, например, в Яр-Хото базаром могла служить широкая центральная магистраль, вдоль которой возможно было устроить легкие лавочки из сырца и дерева (Stein, 1928, с. 715-716). Кроме того, иногда торговля проводилась и за пределами города, в пригороде.

Какие сходные характерные черты можно выделить даже при таком довольно общем, скорее беглом сравнении традиций градостроительства в Уйгурских каганатах и в Восточном Туркестане? Во-первых, использование географического рельефа при строительстве городов и крепостей, сочетание естественных преград с рукотворными. Возведение оборонительных сооружений, в частности, высоких мощных стен на наиболее уязвимых участках. Ориентированность стен и ворот по частям света. Использование при строительстве стен комбинированной техники. Стены были глинобитными, пахсовыми, местами из сырцового кирпича. Для укрепления стен использовались бревна. Строительство двух и даже трехрядных стен. В фортификационных целях в стенах строились привратные башни, бойницы и бастионы. Во многих городах обнаруживается наличие цитадели на городской площади. Многоквартальность планировки, магистральные широкие улицы и множество узких малых улочек, многие из которых являлись тупиковыми. Города, возникавшие первоначально как укрепленные замки или административные центры, позднее обрастали ремесленным и торговым предместьем. Наличие в пределах города множества храмов, базаров. Использование каркасных и столбовых конструкций при строительстве, пахсовой и кирпичной кладки. Форма и размеры кирпичей, сравните в среднем: 43x23x10 см во II Уйгурском каганате и 46x23x14 см в Восточном Туркестане.

Некоторые упомянутые сходные черты возникли на исследуемых территориях, в частности, в Восточном Туркестане гораздо ранее рассматриваемого нами периода. Здесь с древности сложились под влиянием иранского зодчества свои традиции градостроительства. Справедливости ради необходимо отметить, что все исследователи городов уйгурских каганатов отмечали, что на их строительство приглашались согдийцы, т. е. этот факт обнаруживает прямую связь со среднеазиатско-восточнотуркестанскими традициями. К тому же исследуемые территории являются частью единого центральноазиатского историко-культурного региона. Уйгурские племена пришли на территорию Северной Монголии из Восточного Туркестана, связь с этим регионом сохранялась у них на протяжении всего существования уйгурских каганатов, а в период расцвета II Уйгурского каганата города Восточного Туркестана были его периферийной территорией, т.е. находились в вассальной зависимости от него (Кляшторный, Колесников, 1988, с. 35; Камалов, 2001, с. 160–178). Таким образом, между ними исторически имели место тесные процессы взаимодействия. После гибели Уйгурского каганата в 840 г. и перемещения большей части уйгуров на территорию Восточного

Туркестана эти процессы усилились. Такая взаимосвязь свидетельствует о прямой преемственности традиций градостроительства и культуры в регионе в целом, а также о сложном процессе их синтеза, давших импульс к дальнейшему поступательному развитию, скорее взлету культуры восточнотуркестанского региона с IX в. Об этом факторе пишут многие исследователи истории и культуры Восточного Туркестана, и эта точка зрения вполне соотносится с моими разработками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

- 1 Клеменц Д. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб.: Типография императорской академии наук, 1895
- 2 Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. X – XIV вв. – М.-Л.: Наука, 1966
- 3 Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М.: Высш. школа, 1984
- 4 Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979
- 5 Киселев С.В. Древние города Монголии // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1947. № 4
- 6 Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году / С. Ремезов. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1882.
- 7 Ванштейн С.И.(а) Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). // СЭ, 1966, № 3
- 8 Вайнштейн С.И.(б) Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Тр. ТКЭАН, т. II. М.-Л., 1966. С. 292-347
- 9 Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010
- 10 Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // BSOAS. XII, pt. 2.
- 11 Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 211 с.
- 12 Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1988
- 13 Stein M.A. Innermost Asia. Detailed report on exploration in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. Vol. 1–4. Oxford, 1928.
- 14 Stein A. Serindia. – Oxf., 1921. – Vol. 1–5.
- 15 Хуан Вэньби. Талиму пэньди каогудзи (Заметки об археологических исследованиях в бассейне Тарима). – Пекин, 1958.
- 16 Maillard M. Essai sur la vie materielle dans l'oasis de Tourfan pendant le Haut moyen âge. – P., 1973 (Arts Asiatiques. T., numero special).
- 17 Maillard M. Grottes et monuments d'Asia Centrale. – P., 1983.
- 18 Литвинский Б.А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 13-218.
- 19 Первая Русская Туркестанская экспедиция. Фото. Отдел Востока, Гос. Эрмитаж, инв. № 1968/394; 1968/74в. Цит. / По кн.: Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Архитектура. Искусство. Костюм. – М.: Восточная литература РАН, 2000
- 20 Bergman F. Archaeological researches in Sinkiang. – RENWC. Publ. 7. 1939
- 21 Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // ТИИАН. – Сталинабад, 1955. – Т. 35
- 22 Grünwedel A. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903. – München, 1905 (ABAW. I. Klasse, Bd. XXIV. Abt. I).
- 23 Янь Вэньжу. Тулуфань ды Гаочан гучэн (Древний город Гаочан в Турфане) // ВУ. – 1962. – № 7–8.

- 24 Хуан Вэньби. Талиму пэньди каогудзи (Заметки об археологических исследованиях в бассейне Тарима). – Пекин, 1958
- 25 Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана (из путевых заметок). Пг., 1916 // Отд. отт. из журн. «Архитектурно-художественный ежегодник». – 1916 – № 6, 10, 12, 19, 22, 28, 31.
- 26 Gabain A. Das Leben in uigurischen Konigreich von Qoco (850–1250). Textband. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973
- 27 Grunwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. – В., 1912
- 28 Григорьев В.В. Дополнения. – Риттер К. Землеведение Азии / перевод и критические замечания В. Григорьева. – СПб., 1873. – Т. 5, вып. 2. – 417 с.
- 29 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнем и нынешнем состоянии / переведено с китайского монахом Иакинфом. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – Т. 2
- 30 Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая пол. XIX в.). – Алма-Ата: Наука, 1988. – 221 с.
- 31 Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. – Алматы: Наш мир, 2001. – 216 с.

SPISOK ISPOL'ZOVANNYH ISTOCHNIKOV:

- 1 Klemenž D. Arheologičeskij dnevnik poezdki v Srednyuy Mongoliju v 1891 g. // Sbornik trudov Orhonskoj ekspedicii
- 2 Tikhonov D.I. Hozaistvo i obshestvennyj stroj uigurskogo gosudarstva. X – XIV vv. – М.-Л.: Nauka, 1966
- 3 Kizlasov L.R. Istorija Yuzhnoi Sibiri v srednie veka. – М.: Vysh. shkola, 1984
- 4 Kizlasov L.R. Drevnyaya Tuva. М.: Isd-wo MGU, 1979
- 5 Kiselev S.V. Drevnie goroda Mongolii // Izv. AN SSSR. Ser. ist. i filos. 1947. № 4
- 6 Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobolskim sinom boyarskim Semenom Remezovim v 1701 godu / S. Remezov. – SPb., 1882.
- 7 Vanshtein S.I. Nekotore voprosi istorii drevnetyurskoj kulturi (v svyazi s arheologičeskimi issledovaniyami v Tuve). // SE, 1966, № 3
- 8 Vanshtein S.I. Pamyatniki vtoroi polovini I tisyacheletiya v Zapadnoi Tuve. // Tr. TKЭАН, t. II. М.-Л., 1966. S. 292-347
- 9 Klyashtorniy S.G. Runicheskie pamyatniki Uigurskogo kaganata i istoriya evrazijskih stepei. – SPb., 2010
- 10 Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs // BSOAS. XII, pt. 2.
2. Kizlasov L.R. Istorija Tuvi v srednie veka. – М., 1969
3. Lubo-Lesnichenko E.I. Velikij shelkoviy put // Vostochniy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekovya. – М., 1988
- 1 Stein M.A. Innermost Asia. Detailed report on exsploration in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. Vol. 1–4. Oxford, 1928.
4. Stein A. Serindia. – Oxf., 1921. – Vol. 1–5
5. Huan Vanbi. Talimu pendi kaoгudzi (Zametki ob arheologičeskikh issledovaniyah v basseine Tarima). – Pekin, 1958
6. Maillard M. Essai sur la vie materielle dans l'oasis de Tourfan pendant le Haut moyen âge. – P., 1973 (Arts Asiatiques. T., numero special)
7. Maillard M. Grottes et monuments d'Asia Centrale. – P., 1983
8. Litvinskiy B.A. Arhitektura i stroitelnoe delo // Vostochniy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekovie. – М.: Vostochnaya literatura, 2000
9. Pervaya Russkaya Turkestanskaya ekspedisiya. Foto. Otdel Vostoka, Gos. Ermitazh, inv. № 1968/394; 1968/74v. // Vostochniy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekovie: Arhitektura. Iskusstvo. Kostuym. – М., 2000
10. Bergman F. Archaeological researches in Sinkiang. – RENWC. Publ. 7. 1939

11. Davidovich E.A., Litvinskiy B.A. Arheologicheskiy ocherk Isfarinskogo raiona // TIAN. – Stalinabad, 1955. – T. 35
12. Grünwedel A. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903. – München, 1905 (ABAW. I. Klasse, Bd. XXIV. Abt. I)
13. Yan Venzhu. Tulufan di Gaochan guchen (Drevnii gorod Gaochan v Turfane) // VU. – 1962. – № 7–8
14. Huan Venbi. Talimu pendi kaogudzi (Zametki ob arheologicheskikh issledovaniyah v basseine Tarima). – Pekin, 1958
15. Dudin S. M. Arhitekturnie pamyatniki Kitayskogo Turkestana (iz putevikh zametok). Pr., 1916 // Otd. ott. iz zhurn. «Arhitekturno-hudozhestvenniy yezhegodnik». – 1916 – № 6, 10, 12, 19, 22, 28, 31
16. Gabain A. Das Leben in uigurischen Konigreich von Qoco (850–1250). Textband. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973
17. Grunwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. – B., 1912
18. Grigorev V.V. Dopolneniya. – Ritter K. Zemlevedenie Azii / perevod i kriticheskie zamechaniya V. Grigoreva. – SPb., 1873. – T. 5, Vip. 2
19. Bichurin N.Ya. Sobranie svedenii o narodah, obitavshih v Srednei Azii v drevnem i nineshnem sostoyanii / perevedeno s kitaiskogo monahom Iakinom. – M.-Л., 1950. – T. 2
20. Klyashtorniy S.G. Kolesnikov A.A. Vostochniy Turkestan glazami russkikh puteshestvennikov (vtoraya pol. XIX v.). – Alma-Ata: Nauka, 1988. – 221 c.
- 32 Kamalov A.K. Drevnie Uiguri. VIII–IX vv.– Almaty: Nash mir, 2001

Резюме

Кәрімова Рисалат Османқызы

Ұйғырлардағы қалатұрғызу дәстүрінің сабақтастық мәселесі

Ұйғыр мәдениетінің сабақтастық мәселесі ежелгі және орта ғасырлардағы ұйғырлар мен қазіргі ҚХР ШҰАР ұйғырларының өзара қарама-қатынасына тікелей байланысты. Мақалада ұйғыр қағанаты кезеңіндегі және Шығыс Түркістан аймағына ұйғыр тайпаларының қоныс аударғанынан кейінгі қала архитектурасының ерекшеліктері қарастырылады, сондай-ақ қалыптасқан дәстүрдегі ұқсастықтардың анықталуы, олардың сабақтастықта екенін айтуға мүмкіншілік тудырады.

Summary

Risalat Karimova

Continuity of the urban planning traditions among Uighurs

The issue of cultural continuity among Uighurs is directly related to the subject of interrelations between the ancient and medieval Uighurs and the modern Uighurs of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. Article examines the specific features of the urban architecture developed during the era of Uyghur Khaganates in the East Turkestan after the migration of Uighur tribes to this region and also determines the similarities in the existing traditions that allows to speak about their continuity.

Поступила 04.03.2013 г.